

Юрий КРАСАВИНЯМУГАПОВЕСТЬ1.

Мы стояли на железнодорожной платформе станции Ямуга: я ждал электричку до Новой Корчевы, сойдя с той, что умчалась в Тверь, а он вышел вместе со мною. Ямуга должна была разделить нас, случайных попутчиков, но тут он неожиданно предложил:

- Знаете что, напишите мой портрет. Это я вам говорю, как богатый человек бедному художнику.

- А что такое богатый человек? – спросил я самолюбиво.

- Вот только не надо намекать на духовные ценности, - сказал он раздраженно. – От этого у меня сразу зубная боль. Всё просто: богат тот, у кого есть деньги. А у меня их столько, что они даже размножаются самопроизвольно, вегетативным способом. Поскольку вы теперь на мели, я предлагаю вам работу по вашей специальности: запечатлейте мой образ для потомков. И мне будет утешительно, и вам лишняя денежка не повредит. Ну, как?

Я сказал, что он обратился не по адресу: для создания портрета ему надобен живописец или фотограф.

- Мне лучше знать, кто мне нужен, - отвечал этот денежный человек. – Вот Фурманов написал про Чапаева, а сколько героев гражданской войны осталось в неизвестности! Василию Иванычу повезло: встретил писателя. Может, и мне повезло: я встретил вас. А у меня правило: из каждого житейского случая извлекать выгоду.

В электричке мы совершенно случайно оказались рядом, а заговорили где-то на полпути от Москвы до Ямуги. Странно, что этот состоятельный человек ехал в электричке, а не в дорогом автомобиле. Наверно, это была его прихоть.

- Сколько времени займет написание романа? – деловито спрашивал он. - Я имею в виду не такой, как «Война и мир», а вот, к примеру, как про Чапаева.

Я сказал, что Фурманову для этого понадобилась, как минимум, гражданская война, а не двухчасовое сидение в электричке.

- Что, не получится романа? – озабочился он. – Тогда, может быть, вот как Тургенев про Муму написал. Неужели я и на «Муму» не потяну?

- Вы-то, может быть, и потянете, да я-то не Тургенев!

- Ладно вам приbedняться! – сказал он, нахмурясь. – Печтаетесь в столичных журналах...Что вам стоит написать книжку хотя бы в сто страниц! Сколько на это уйдет времени?

Я призадумался: как-никак мне предлагали создать нечто классическое... на уровне Тургенева или хотя бы Фурманова. Да ещё и о сроках спрашивают...

- Если речь идет о графоманском сочинении, то работы на пару дней, - сказал я тоном плотника, который подряжается срубить баньку. – А если надо написать более или менее художественно, то... по-видимому, на год работы. Да и то, как тут ручаться за успех!

- Сто страниц за год? По странице в четыре дня? Десяток строчек за смену? Вы намерены работать с прохладцей.

Подрядчик мой усмехнулся.

- Десять строк - это по крайней мере десяток страниц черновиков, - пояснил я. – Это бессонная ночь, разбитый вдребезги день, полное изнеможение, головная боль и прочее.

- Да? – произнес он тихо и озадаченно.

- А вы как думали! Вот Гоголь писал первый том «Мертвых душ» шесть лет. В поэме этой, помнится, три сотни страниц. Значит, по пятьдесят страниц в год, то есть в среднем по пять-шесть строчек в день.

- Да? – опять озадаченно сказал он. – Ишь ты... А что, верно. Хорошего много не бывает.

- И перед вами не Гоголь, - опять напомнил я.

Неподалеку от нас стояли и покуривали двое парней, и я только потом сообразил, что они имеют какое-то отношение к моему собеседнику. Впрочем, они не слушали нас.

А вокруг был весенний лес в молодой листве, не умолкающий птичий щебет, ласковый ветерок веял.

Если б не этот попутчик, сошедший вместе со мной с электрички и возжелавший стать героем литературного произведения, я прогулялся бы вон по тем мосточкам, посидел на знакомой поляне, слушая звуки лесной жизни. Затем, собственно, я и сошел именно в Ямуге, а мог бы доехать и до Решетникова – там отходит от главной магистрали ветка на Новую Корчеву. Однако вот попался заказчик литературного портрета...

Кстати, до сих пор я не знал ни имени его, ни фамилии, таково уж было наше дорожное знакомство, но тут, на платформе Ямуги, он назвал себя: Кубаров Игорь Витальевич. Назвался, будучи уже уверенным, что я соглашусь на его предложение.

А почему бы в самом деле мне не написать о нём? Передо мной стоял современный преуспевающий человек, деньги в его кошельке, вишь, размножаются самопроизвольно, делением и почкованием. Может быть, получится любопытный портрет.

- Так и быть, я напишу о вас рассказ, - сказал я.

- Повесть, - поправил он, - чтоб вышло посолидней.

- Ладно, маленькую повесть. Чтоб не напрягаться, объёмом... ну, скажем, десять-пятнадцать книжных страниц. Это немало, поверьте!

- Что за книга в десяток страниц! – запротестовал он.

- Мы опубликуем это в столичном журнале, поместим в Интернет, - убеждал я его. – О вас будут читать во всём мире!

- Ну, хорошо, - подумав, согласился он. – Только давайте поскорее, порасторопнее, не затягивайте это дело.

- Срок исполнения – три месяца.

- Два, - поправил он.

- Как получится... Может быть, потребуется вдвое больше времени: там будет отображен ваш внешний и внутренний облик, насколько это в моих силах, перечислены ваши деяния, какие пожелаете увековечить, имена предков, друзей, жён, любовниц... собутыльников и сокамерников...

- Это ж не групповой портрет, - возразил он, не обидевшись на «сокамерников». – Только я, и больше никого!

Тут подошла новокорчевская электричка, и я, уже садясь в вагон, то-ропливо договаривал:

- Значит, так: если вы меня нанимаете на работу, то будете ежемесячно платить мне жалованье... ну, скажем, на уровне зарплаты машиниста этой электрички.

Двери вагона сомкнулись, разделяя нас.

Пока я шёл по вагону, ища свободного места, его лицо плыло в окнах, удаляясь. На нём было такое выражение, словно он хочет ещё о чём-то спросить, и досадует, что не успел: адреса своего я ему не дал, вот что! Ничего, коли и впрямь понадобится, найдёт.

Я же был доволен завершением нашей беседы: он пошутил, и я пошутил... день весенний, отчего не повеселиться!

2.

Я так полагал, что на том наше знакомство и закончилось, что больше мы с ним никогда не увидимся. Но дня через два или три Игорь Витальевич Кубаров появился перед дверями моей квартиры в Новой Корчеве со словами:

- Я вас вычислил! Не зная ни адреса, ни телефона... Оказывается, у вас нет домашнего телефона! Как же можно без него? Вы же писатель.

- И у Тургенева не было, - напомнил я.

- Это верно, - согласился он. – Может, потому он и написал так хорошо про Муму.

Гость разделся в прихожей, не спрашивая у меня на то позволения, с любопытством рассматривал при этом на стене типографское изображение женщины, только что отрубившей голову человеку.

- За что она его так? – спросил он.

Я пояснил, что хозяйка так обезглавила квартирного вора, застигнутого на месте преступления. Он вслух прочитал:

- «Юдифь»... Джорджоне... Ишь, как она его! Без суда и следствия.

Я пригласил гостя в свой кабинет... если, конечно, это можно назвать кабинетом.

- Я думал, писатели живут побогаче, - признался он, оглядываясь.

Книги на полках, письменный стол, стулья, шкаф, в котором и посуда, и книги; диван, на котором сплю. Рядом – комната жены, у нее поуютнее, но тоже ничего лишнего.

- А что, собственно, вы ожидали увидеть? – самолюбиво спросил я.

Он стал перечислять:

- Ковры на полу и на стенах.... кресла кожаные... стол письменный вдвое больше этого... Компьютер с принтером и сканером...Послушайте, а почему у вас книги на открытых полках? Знаете что, я вам куплю шкаф, вы его поставите вот сюда.

Мне стало ясно, что если ему не дать отпор сразу, потом будет труднее.

- Благодетель вы мой, - сказал я, - вас ни о чём не просят в этом доме. Это вы пришли о чём-то попросить меня, неимущего человека. Наверно, вам нужна моя помощь. Или я ошибаюсь?

- Всё понял, не дурак, - быстро ответил он. – Дурак бы не понял. Извините.

Жена вышла к нам из соседней комнаты поприветствовать гостя и тотчас ушла на кухню поставить чайник.

- Вы ещё не начали писать? – спросил он, усевшись за мой письменный стол и трогая на нём разложенные бумаги.

- Что именно?

- Мы ж договорились: повесть обо мне.

Несколько секунд я изучал его. Он был так воодушевлен, что даже похорошел.

- Разумная хозяйка начинает доить корову, лишь положив ей в ясли охапку сена или угостив корочкой хлеба, - сказал я ему наставительно.

- Всё понял, не дурак, - сказал он и быстрыми шагами вышел в прихожую.

Вернулся с чемоданчиком своим, раскрыл его, достал коробку конфет – большую, черт побери, коробку, с ленточкой и с бантиком! – бутылку коньяка, большой пласт копченого окорока в фабричной упаковке и баночки консервов, четыре штуки. Выложил всё это на край стола.

- Это просто так, гостинцы. А вот задаток, как договорились: ваше жалованье за месяц вперед, на уровне машиниста электропоезда. Ровно через месяц, день в день, получите столько же. Потом ещё... При окончательном расчёте предполагается премия.

Такого оборота событий я, признаться, не ожидал: чтоб вот так сразу и деньги. Но невозмутимо принял их, поразмышлял немного, потом заинтересовался:

- Это чистые банкноты или на них слезы бедных, кровь невинных?

- Деньги – это деньги, и ничего более, - отвечал мой гость сурово.

- Я спрашиваю потому, что нельзя ставить церковь на средства, добытые несправедливым путем, – Бог накажет. А книгу писать – дело святое, оно несовместимо с нарушением основных заповедей: не убий, не укради.

- Мой бизнес не противоречит ни Уголовному Кодексу, ни Христовым заповедям, - сказал гость, чуть принахмурясь.

Я же подумал, что не следует мне быть слишком щепетильным, поскольку в наше трудное время я, действительно, *на мели*. Зачем совать нос в чужие дела? От большого знания большая печаль.

- Ударим по рукам? – предложил он.

Мы ударили. А потом перешли на кухню, чтобы там отведать его *гостинцы* и обговорить некоторые детали предстоящего мне дела.

Во-первых, будет ли Кубаров Игорь Витальевич в моей маленькой повести под своим собственным именем или сочинить иное?

Он подумал и решил:

- Замените в фамилии одну или две буквы, любые. Впрочем, можно и так, как есть.

Во-вторых, намерен ли он позировать для своего портрета, то есть показывать себя в деле, в умной беседе, или мне нужно напрягать воображение?

- Да ведь мы уже общались, - неуверенно сказал он.

- Этого вполне достаточно для создания литературного портрета малой формы, - заверил я.

Он удовлетворённо кивнул, и мы перешли к третьему: должен ли я на его образе кое-что подретушировать?

- Как это? – не понял он.

- Ну, можно ведь написать, что у вас римский нос, орлиный взгляд и статная фигура...

- Зачем приукрашивать! Фигура у меня не статная, взгляд обыкновенный, нос немного кривоват и на переносице шрам.

- Бандитский кулак с кастетом?

- Нет. Самая заурядная бытовая травма. Так и напишите. Я ж не ради рекламы – просто-напросто желаю запечатлеться в русской литературе.

- Вопросов больше нет, - заключил я.
И мы выпили по рюмочке армянского коньяка.

3.

Неделю спустя, я получил от него письмо. Кубаров по-деловому написал, что *«в таких условиях, то есть в вашей квартире-скворешнике, невозможно плодотворно работать: тесно, маловато удобств...»*, и предложил нам с женой поселиться у него на даче. Там лес кругом, тихо, никто не будет беспокоить – соседи солидные. Рядом Московское море, можно рыбу удить в порядке отдохновения...

«Для вас там и кабинет, и спальня, и столовая, и комната отдыха с бильярдом... Книг, правда, нет, но вам привезут любые, какие скажете, я распоряжусь».

Прочитав это, мы с женой поулыбались: гостить у кого-либо не в обычае у нас. То есть бывали, конечно в гостях, но не так, чтобы с ночевкой, тем более в течение длительного времени.

«В четверг за вами приедут», – так закончил он письмо.

И верно, в ближайший четверг молодой человек в тёмных очках позвонил нам в дверь. Ну да, это был один из тех двоих, что я видел на станции Ямуга.

- Я за вами, - сказал он. – Хозяин сам хотел приехать, но не смог, занят.

Мы так рассудили: а почему бы и не погостить? Не праздности ради – ради дела! Но сначала я решил съездить на ту дачу один, посмотреть, как там и что: действительно ли благословенное место или оно таковым выглядит лишь в представлении его владельца.

4.

В то время я писал «повесть о снегах». Она увлекала меня, потому что мои герои оказывались в необычных положениях и совершали глупые или героические поступки, повергая меня самого в изумление, - их завалило снегами!

«Он влез на крышу – вытянул лестницу за собой, добрался до князька и здесь тем же порядком, что и у себя над домом, протаранил над трубой вертикальный ход наверх. Высунулся – там, наверху, по-прежнему мела метелюга по снежной равнине, белые языки вылизывали её; широкие потоки, завихряясь, мчались, обгоняя друг друга... но если раньше облака по небу несло в том же направлении, что и снег по земле, то теперь они, ставши ещё более зловещими, мчались обратно. Это встречное движение создавало фантастическую карусель и соответствовало какому-то общему замыслу, постигнуть который казалось просто невозможно...»

Это была повесть о великих русских снегах, придавивших некую местность, люди принуждены были вести подснежный образ жизни.

«Вокруг не было видно ничего, кроме белой равнины и летящих над нею белых вихрей, снежных потоков, струй. То есть простиралось во все стороны ровное поле, по которому мела буйная метелица, и не было поблизости ни деревянных крыш с трубами, ни верхушек деревьев, ни даже телевизионных антенн... Не было и низинки, в которой течёт неугомонный Вырок; исчез и Селиверстов холм, заросший кустами, и его сровняло; не видно и леса ни с одной, ни с другой стороны – ничего, только снежные языки и змеи, в бешеном стремлении летящие

рваные облака, похожие, между прочим, на дым всеобщего пожарища. За облаками изредка появлялся будто бы остывший и потому голубоватый диск солнца».

Молодое лето наступило, а над моим письменным столом – следовательно, и в голове моей! – шёл снег, скрипели санные полозья, мела метель, вьюга крутила... Мне казалось даже странным, что ледяные ветры оттуда не умеряют летнего зноя здесь.

5.

По пути туда молодой человек, которого звали Валерой, сказал о своем хозяине с улыбкой:

- Деревенский. И чудит по-деревенски.

Оказывается, два года назад Кубаров в родном селе, то есть там, где он провел своё детство, купил здание старой школы, в которой и сам когда-то учился. Теперь село обезлюдело, школу закрыли. А построена она была сельским богатеем ещё до первой мировой, как жилой дом для одной семьи – строение в два этажа, со светёлкой и с полуподвалом.

Богатей тот владел фабрикой да и не одной: в них валяли валенки, обжигали горшки и кринки, делали кирпич и чесали лён. Он приходился Кубарову то ли прадедом, то ли братом прадеда. В общем, родня. И вот правнук выкупил дедово гнездо, перевёз на новое, дачное место... Так рассказывал Валера.

Дом оказался вместительным - это было ясно с первого взгляда: широкие окна, на них резные ставни, остеклённая терраса, по карнизам деревянные кружева; парадное крыльцо с точёными балясинами; на самом верху – светёлка со стрельчатыми окошками и остроконечной кровлей на манер колоколенки, но вместо православного креста над нею искусно вырезанный из дерева петушок. Светёлочка-то новодельная, но пришлось к месту, хотя в целом дом этот сохранил прежний облик.

Я погулял вокруг этой дачи, не заходя внутрь её. Корабельные сосны... зеленые мхи... посыпанные игольником тропинки... теньканье синиц и перекличка зябликов... плеск волны под невысоким обрывом...

Вернувшись домой, я рассказал жене о своих впечатлениях. Мы не промедлили со сборами, и уже через день исполнительный Валера приехал за нами.

На этот раз хозяин дачи встретил нас у ворот. Был он благодушен и нетерпелив: ему хотелось показать нам свои владения и увидеть наш восторг. Он провёл нас по всему дому, открывал двери комнат одну за другой, говоря не без гордости:

- Вот вам кабинет – стол просторный, кресло удобное... вот выход на веранду, можно прогуливаться или поиграть в бильярд... вот гостиная.

Мы поднялись по витой лестнице в светёлочку, постояли там, оглядывая даль и близь, и спустились в благостном состоянии духа: всё нам понравилось.

- Пойдёмте на кухню, - позвал хозяин, очень довольный произведённым на нас впечатлением.

По пути туда он опять распахивал двери:

- Это ванна, туалет... вот тут лестница в погреб, только там пока ничего нет, но скоро будут и огурчики маринованные, и грибочки солёные, и капуста квашеная, и прочее.

Кухня блистала эмалированной посудой с яркими цветами, богатой люстрой, новеньким оборудованием – холодильником, электроплитой и еще чем-то непонятного мне назначения... Хозяин нажал на кнопку - рас-

пахнулись дверцы шкафа в стене, открылись сияющие недра его, а там разноцветные бутылки.

- Что будем пить? – спросил он.

«Так в иностранных романах герои говорят: что будем пить, сэр?» – подумалось мне, и я спросил:

- А что вы можете предложить, сэр?

- Коньяк, виски, сухие вина... Есть пиво чешское, баварское и наше, российское. Есть и водка, разумеется.

- А как насчет чаю, сэр?

- Вы не употребляете крепких напитков? – удивился он. – Это не в традициях русских писателей. Неужели вы даже в торжественных случаях...

- Случается, выпью, но... редко! Что-то я не испытываю от этого радости.

- Вам надо показаться врачу, - сказал он озабоченно. – Как так? Питание не радует – это ненормально. Однако же давайте попируем не здесь, а на просторе, под соснами. Там всё-таки вольней дышится.

Мы расположились в плетёных креслах под раскидистой сосной. На столике перед нами появилась батарея бутылок разного вида, копчёная колбаса, пласть сёмги, икра черная и красная, заморские фрукты. Всё это хозяин выставлял и выкладывал сам, Валера куда-то исчез.

- Давайте поговорим о делах литературных, - предложил хозяин, разливая по бокалам кому вино, а кому коньяк.

- Вы имеете в виду работу над вашим портретом? – уточнил я и предложил ознакомить его с началом маленькой повести о нём, в порядке, так сказать, контрольного отчета исполнителя перед работодателем.

Он оживился от моей шутки. Я достал несколько листочков рукописи и прочел от слов «*Мы стояли на железнодорожной платформе станции Ямуга...*» до того места, где «*Двери вагона сомкнулись, разделяя нас...*». Герой повести слушал внимательно, не забывая, впрочем, наливать себе в бокал, а когда я кончил читать, спросил этак размышляюще:

- Интересно, почему вы начали не с того, как мы сели в Москве в электричку и оказались соседями. Там у нас была интересная беседа. Сначала вы разговаривали с женщиной, сидевшей рядом с вами, а та держала в руках книжку с развратной картинкой на обложке.

Так было. Я удивился: женщина в почтенном возрасте, что её привлекло в том чтиве?

- А потом мы с вами немножко поспорили. Я сказал, что не понимаю, зачем пишутся книги. Ведь уже написано чёрт-те сколько, не прочитать. Явное перепроизводство! А вы вступились за честь писательского мундира.

Верно, было так. Я ему объяснил: жизнь совершается поступательно, можно сказать, идёт вперёд, требуется осмысление, кому её и осмыслять, как не нарождающимся писателям в их новых книгах?

- Я вас, конечно, задел за живое, потому мы и заспорили. Может, как раз это нужно для закваски? Что, если начать оттуда?

- Очень уж издалека, - возразил я.

- А пусть читают!

- Мужчина слишком долгим ухаживанием рискует потерять благосклонность женщины, - сказал я, - а писатель длинным предисловием быстро наскучит читателю.

К моему удивлению, выпив бутылку коньяка под разговор о делах сугубо творческих, Кубаров почти не опьянел. Я даже выразил по этому поводу удивление.

- Практика! – сказал он. – Еще с Магадана.

Про его Магадан мне было известно только то, что он там работал и вроде бы даже в золотоискательской артели, на чём и разбогател стремительно... а подробностями я не интересовался.

- У вас там внешность моя не описана, - сказал он. - В девятнадцатом веке – а это ведь золотой век нашей литературы! – начинали как раз с внешности: вошел господин, одетый в то-то и то-то, причесанный вот этак... и сразу портрет, верно?

Мне нравятся подобные разговоры, и мы очень живо порассуждали о портретных характеристиках и их значении в художественном произведении.

6.

Жаркое лето воцарилось вокруг дачи, в которой мы жили. Лес окружал нас – знойный, роскошный лес с птичьим гомоном, смоляным запахом, с ветерком из багульниковых низин.

Обстановка эта заставила меня отодвинуть рукопись о «русских снегах» и переключиться на другую - роман о временах далёких, как я их себе представлял – то было время, когда приходил на Русь апостол Андрей. Герои романа моего расселились широко по Великой Русской равнине, я с трудом управлялся ими, их было не менее двух сотен: земледельцы, бортники, рыбаки... язычники! Обитали они в лесах непролазных, по берегам рек и озёр рыбных.

А начиналось-то повествование с полуфразы:

«...бысть знамение на небеси – бяху на востоце три солнца, а четвертое на западе».

То не мои слова – из старинной книги извлечены. Меня поражала красочность описаний в той книге.

«День тот был до полудня красен вельми, а в полдень помрачилась грозно закатная сторона неба, надвинулись тучи и разбушевались силы небесные в гневе или буйном веселии...».

Великие несчастья пали на Русь, куда направлялся апостол Андрей. Наступил разброд в людях – не знали они в страхе, которому солнцу молиться, потому ждали великой беды, которая и не замедлила прийти: злой демон именем Лют, он же Мор, он же Лютомор, то ли сам разгневался на людей, то ли, исполняя волю Чернобога, стал карать всех подряд смертью без жалости и без разбора...

«Стояла невеликая слободка названьем Лотошино на берегу широкой заводи, что у реки Оцы. В слободке той было восемь изб и три землянки. Жили все меж собой дружно, согласно, советно – сеяли рожь и жито, ловили рыбу, собирали урожаи лесные и болотные, дикого зверя били – лосей да тура да вепря, добывали зверя пушного – горноста, белку, лисицу, бобра...

У Гостяты была жилая изба под соломенной крышей, старая мать в ней хозяйкой... была жена и детки – шестеро, а рядом добрые шабры-соседи: Крик Тыртов, Семьон, Несвит, двое братьев – Жабка и Трубец...

Но пришел Лютомор, и никого не стало.

Началось с того, что Несвит принес от дальней родни своей Лютоморовых бесей, те скакнули на других... Вымирили семьями. Крик Тыртов и братья Жабка да Трубец ушли с женами и детьми куда глаза глядят – в глушь, в леса. Иные не успели, немочь одолела. Он, Гостята

Лыков, ходил из избы в избы, помогал, чем мог: утешал словом, приносил водицы... И у самого поразилась жена и дети, умирали на его глазах.

Потом ударило и Гостяту между крыльцами. На второй день болезни, собрав остатки сил и превозмогая крайнее страдание, он обошел всех – никого уже не осталось живых. Он поджигал дома, помогая умершим переселиться на небеса, к богу Вышнему, поджег и собственное жильё...

Жар его томил... в голове мутилось... Вышел к реке напиться, зачерпнул водицы, поскользнулся на мостках...»

Таково было повествование о времени давнем-давнем.

7.

Больше всего мне нравилось сидеть в светёлке – там было тесненько, но светло даже в пасмурный день. В ней стояло удобное кресло и столик типа журнального - не писать, а читать хорошо; тут посещали меня только хорошие мысли. Именно здесь наскоро я набросал продолжение моего легкомысленного повествования о Кубарове, хозяине дачи, да и тотчас забыл о нём.

Отсюда был виден лес во все стороны, Волга с плывущими по ней теплоходами или парусными яхтами; крыши соседских дач проглядывали в кронах сосен и елей.

После нашего дружеского застолья хозяин не появлялся на своей даче довольно долго. Я же настолько вжился в события своего исторического романа и так погружен был в них, что с недоумением уставился на автомашину, въехавшую в дачные владения, уже ставшие теперь «моими». А из автомашины вышел сам хозяин дачи, усталой походкой пошел к крыльцу.

- На Колыме был, - объяснил он свое долгое отсутствие. – И на Камчатке... чуть на Аляску не перекинулся!

Залез в ванну, плескался там, вышел оттуда в богатом халате, извинился перед моей женой:

- Вы разрешите мне так, по-домашнему?

Мы опять расположились под соснами с теми же винами и закусками. После разговора о том, о сём Кубаров поинтересовался, как идет у меня работа.

- Жиденькая получается повестушка, - пожаловался я. – В ней ничего не происходит. Ну, приехал мой герой, потом уехал... Подвигов не совершает, мудрых речей не произносит.

- Не отчаивайтесь, - подбодрил он весело. – Муки творчества – это прекрасно. А мудрых-то рассуждений я и от вас не слышал.

- Герой не я, а вы. А что до меня, то... Пушкин говорил: прозаик должен быть немного глуповат, даже если это Лев Толстой.

- Ишь ты как он про Толстого-то! – подивился Кубаров.

Я решил прочесть ему продолжение повести от «*Я так полагал, что на том наше знакомство и закончилось...*». Он несколько раз смеялся, приговаривая:

- Все правильно... все так.

Я остановился на том месте, где описывался внешний вид его дачи. Кубаров сказал:

- Не знаю, чем вы недовольны. Мне нравится.

- Насколько я понимаю, - сказала моя жена, - главные-то события вашей жизни остаются за рамками повествования.

- А бог с ними, с главными-то! – весело отозвался он. – Обойдемся без них. Кто знает, что главное, а что второстепенное. Вот сидим мы под сосной, ветерок веет, дятел-желна – слышите? – автоматными очередями долбит вон там, кукушечка вдали – слышите? – кукует... Это и есть главное.

Поскольку мой работодатель столь одобрительно отозвался о результатах моего труда, я решил, что оставлю всё так, как написано, не надо ничего править.

- А как вы назовете это сочинение с моим портретом? – поинтересовался он.

- М-м... В самом деле, как назвать... А давайте так: «Герой нашего времени». Просто и со вкусом.

- Лермонтов обидится.

- Мы ему ничего не скажем, а он не догадается прочитать.

Мы условились, что я поставлю заголовком повести название станции, на которой мы с ним заключили наш договор – «Ямуга».

8.

Через неделю он приехал не один, а с целой компанией крепких молодых парней. О чём-то они жарко спорили, стоя возле гаража. Судя по всему, нехороший был у них разговор. Слов я не слышал, но выражение лиц этих у споривших насторожили меня. Парни уехали, а Кубаров поднялся по лестнице ко мне в светёлку. Был он чем-то раздражён, на мой вопрос о причине раздражения сказал, махнув рукой:

- Да так... пустые хлопоты.

Чтоб хоть немного развлечь его, я прочитал ему описание того, как он показывает мне свою дачу и о том, как мы сидели в плетёных креслах под соснами и обсуждали роль портретных характеристик в художественном произведении.

- Тут я, вроде бы как умным смотрюсь, что-то понимающим в литературе, - удовлетворённо сказал он. - Так что давайте поподробнее.

- А чего размазывать кашу по киселю! – возразил я. - У литературного произведения свои законы. Промедление с развязкой смерти подобно. Завтра я готов буду прочитать вам конец повести – о том, как мы покидаем вашу дачу, как расстаёмся с вами.

- А нельзя ли закончить вашу повесть на хорошей ноте? - спросил он. - Ну, так, чтоб у читателя возникла симпатия к человеку на портрете, то есть ко мне.

- Она неизбежно возникнет, - заверил я. – Как же иначе! Герой моей повести великодушен, добр, приветлив, деловит... хлебосолен! Он самым благородным образом пригласил в гости неимущего литератора... обласкал, можно сказать, пригрел на своей груди.

Тут мы согласно посмеялись. Даже повеселел он и заявил:

- Как хотите, а нужен благополучный конец. Бодрый такой, жизнеутверждающий...

- В духе социалистического реализма, - подсказал я.

Он не обратил внимания на моё иронический тон.

- Надо, чтоб после прочтения на душе осталось радостное чувство. Помните, у Пушкина? *«И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал»*. Давайте выпьем за Пушкина.

На этот раз я тоже выпил коньячку и, должно быть, потому предложил закончить повествование так: главного героя убивают бандиты.

- Я не стану описывать страшную сцену убийства, просто напишу: пришел Валера и сказал: «Хозяина застрелили... до свиданья вам».

Кубаров задумался, потом отверг эту идею:

- Не надо искушать судьбу. Вы этак накликаете на меня беду. Вы – опасный человек.

То ли в шутку сказал, то ли всерьёз. Наверно, пошутил.

- Трагический конец очень украсил бы сюжет, - сожалел, сказал я. – А вас, Игорь Витальевич, сделал бы истинно героем. А потом – это ж в духе нашего времени: писатели да артисты самоубиваются, а вашего брата, предпринимателя, отстреливают, как зверей с ценной шкурой.

- Ты слишком жесток, - укорила меня жена.

- Профессия такая, - объяснил я. – Обрати внимание: Шекспир неустанно умерщвлял своих героев. Посчитай, сколько трупов хотя бы в «Гамлете» или «Короле Лире».

- А Достоевский двух старушек уколошил в «Преступлении и наказании», - подсказал Кубаров. – Да и Тургенев хорош: Муму утопил.

Тут я вступился за классиков, указав на некорректность наших доводов.

- А давайте так, - сказал Кубаров после углублённого размышления. – Напишите, что я подарил вам эту дачу.

- Неплохая идея, - пробормотал я. - Почему бы, в самом деле, вам не подарить её? Правда, я не знаю, зачем она мне нужна.

- Как это? Вам же тут хорошо работалось. Вы думаете, зачем я поселил вас здесь? Чтоб дух творчества витал над моей дачей! Понимаете? Чтоб соседи говорили потом: тут писатель такой-то создал вот такое-то творение.

- Хозяйство моё безлошадное, - возразил я. – А владельцу этой дачи надо платить за свет, за отопление, за охрану, да ещё и налоги. Зачем мне эта головная боль!

- И всё-таки повесть надо закончить оптимистически, то есть именно так: я вам сделал такой подарок. Трудно вам, что ли, приписать пару строк! Уезжая, дескать, опять на Колыму, я вручил вам дарственную, заверенную нотариусом, и связку ключей.

Я слабо отбивался:

- Приписать можно что угодно, только кто поверит! Ну, посудите сами: с чего это деловой человек, будучи в трезвом уме и ясной памяти, подарит такую замечательную дачу совершенно чужому человеку?

- Может, и поверят, - возразил он.

Подумав, я предложил:

- Тогда конец будет такой: вы мне вручили эту самую дарственную с печатями, а на другой же день приехали крепкие ребята, взяли меня за горло, наставили на меня пистолет, и я подписал дарственную на имя одного из них. Идет?

- Нет, конец всё-таки должен быть счастливым.

Теперь задумался я. И было о чем! Почти два месяца меня привечали на этой даче, дорогими винами поили, деликатесами кормили. Ведь не бог весть что от меня просят! Всего-то - приписать три-четыре строчки...

И я согласился.

9.

Так оно и было бы сделано, согласно воле заказчика. Но история эта помимо моей авторской воли всё-таки завершилась трагически.

Видите ли, вскоре после того, как мы с женой вернулись к себе домой, в Новую Корчеву, к нам докатилась поразившая нас весть: Игорь Витальевич Кубаров убит... застрелен на железнодорожной платформе станции Ямуга. Мало того: дача его сгорела дотла.

Подозреваю, что моя маленькая повесть о нём – единственный след, оставшийся от жизни этого человека.

1992г